
С.А. Дружилов

Статья поступила
в редакцию
в январе 2013 г.

ВУЗОВСКАЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ СРЕДА В РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Аннотация

Рассматривается состояние системы высшего образования в России к началу революции 1917 г. Показано, что за два довоенных десятилетия численность студентов в России выросла почти в десять раз, увеличилось число вузов и преподавателей. В условиях становления капитализма высшее образование в стране находилось на подъеме. Система научной аттестации была близка к западноевропейской, но требования к соискателям в России были значительно выше, чем за рубежом. Университетской интеллигенции как профессиональной группе принадлежала весьма заметная роль в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни дореволюционной России. В отношениях с властью и обществом университетская корпорация отстаивала идеалы вузовской автономии. Преподаватели университетов как социальная и профессиональная группа были уничтожены во время революционного и «красного» террора.

Ключевые слова: высшее образование, императорские университеты, университетская корпорация, вузовская автономия.

В результате революционного и «красного» террора интеллектуальный слой населения в России был фактически уничтожен [Волков, 1999]. В предыдущей публикации [Дружилов, 2012] мы показали, что уже в первые годы советской власти преподавательский состав вузов понес невосполнимые потери: немало видных ученых эмигрировали, были депортированы или высланы в северные губернии, а многие умерли от голода и холода. Но действительно ли в вузах царской России начала XX в. был достаточно представительный преподавательский корпус, который можно считать носителем образовательной культуры и университетских традиций? Для ответа на этот вопрос рассмотрим, какими количественными и качественными показателями характеризуется университетская и академическая корпорация России того периода.

В царской России к началу Первой мировой войны было четыре первоклассных императорских университета: Московский

(создан в 1755 г.), Дерптский¹ (воссоздан в 1802 г., переименован в Юрьевский в 1893 г.), Казанский (создан в 1804 г.), Санкт-Петербургский (создан на базе Главного педагогического института² в 1819 г., в 1821 г. университету было присвоено звание императорского)³. Кроме того, к этому времени в России был ряд очень хороших университетов, также имеющих титул «императорский»: Харьковский (создан в 1804–1805 гг.), Киевский⁴ (создан в 1834 г.). Новороссийский⁵ (создан в 1865 г.), Томский⁶ (создан в 1880 г.), Саратовский⁷ (создан в 1909 г.).

Да и во время войны становление университетской системы в России не прекращалось: в 1916 г. открылось отделение Санкт-Петербургского университета в Перми, которому предстояло развиваться в самостоятельный университет. А в 1917 г. эвакуированный в Ростов-на-Дону Варшавский университет был переименован

¹ Дерптский университет был основан шведским королем Густавом II Адольфом в 1632 г. на территории Ливонии (г. Дерпт — Юрьев — Тарту) и стал вторым университетом Швеции (после Уппсальского). Во время Северной войны часть его персонала еще до захвата Дерпта русскими войсками в 1710 г. бежала в Швецию и университет перестал работать.

² Главный педагогический институт ведет свою историю от Учительской семинарии, основанной в 1786 г. (в 1803 г. семинария была переименована в Учительскую гимназию). В 1804 г. она получила новый устав и стала Педагогическим институтом. Когда положение образованного на его базе университета стало достаточно устойчивым — менее чем через 10 лет после его создания, в 1828 г., — Главный педагогический институт был восстановлен (в качестве независимого от университета учебного заведения), а решение об окончательном его закрытии Министерство просвещения приняло в 1858 г. (последний выпуск был в 1859 г.).

³ Существует версия, согласно которой предшественником Санкт-Петербургского университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) является Академический университет — первое в России высшее учебное заведение, основанное Петром I в 1724 г. в составе Петербургской академии наук. Начавшиеся в 1726 г. занятия велись нерегулярно. После смерти М.В. Ломоносова Академический университет пришел в упадок и в 1766 г. был закрыт. Тем не менее Постановлением Правительства РФ от 01.11.1997 г. № 1379 «О Санкт-Петербургском государственном университете» 275-летие университета, официально отмечавшееся в 1999 г., связывается с датой создания Академического университета.

⁴ Киевский императорский университет святого Владимира создан после упразднения в 1832 г. старейшего университета в г. Вильне (Вильнюсе), основанного в 1579 г. и воссозданного в качестве Императорского Виленского университета в 1803 г. Причиной его закрытия стало прямое участие или косвенная причастность студентов и преподавателей университета к польскому восстанию 1830–1831 гг. Медицинский факультет Виленского университета был преобразован в Медико-хирургическую академию, а в 1841–1842 гг. академия влилась в образованный к этому времени Киевский университет.

⁵ На базе факультетов Императорского Новороссийского университета впоследствии были созданы многие вузы Юга России, в том числе Одесский университет.

⁶ Старейший вуз Сибири и Дальнего Востока, основан в 1880 г., открыт в 1888 г. в составе медицинского факультета, в 1898 г. в университете создан юридический факультет.

⁷ Саратовский императорский Николаевский университет — десятый (и последний) из императорских университетов.

в Донской, так как Польша получила независимость и о возвращении русского университета в Варшаву уже не могло быть и речи.

Россия, входя в капитализм, стремительно преодолевала отставание в области высшего образования. По данным, которые приводил П.Н. Милюков⁸, в 1894 г. число учащихся в университетах России составляло чуть менее 14 тыс. [Милюков, 1987. С. 339], а по расчетам Б.Н. Миронова число студентов на 10 тыс. человек населения в России в 1890 г. было в 4–10 раз меньше, чем в промышленно развитых странах [Миронов, 2003. С. 385]. К началу мировой войны ситуация в высшем образовании России изменилась коренным образом. В 1914 г. в России (с учетом Польши, входившей в состав Российской империи) было 127 тыс. студентов, а отставание от развитых стран по числу студентов на 10 тыс. человек населения стало минимальным, приблизившись к 1,5 [Там же]. Это значит, что за два довоенных десятилетия численность студентов в российских вузах выросла более чем в 9 (!) раз.

Близкие цифры приводил Н.С. Тимашев⁹ 16 января 1955 г. в Нью-Йорке на юбилейном акте, посвященном 200-летию Московского университета. Известный ученый, социолог, современник революционных событий в своем докладе сказал, что «накануне революции в России было 12 университетов и 84 высших учебных заведения других наименований. В университетах накануне войны числились 43 тыс. студентов, а в остальных высших учебных заведениях — 79 тыс., всего 122 тыс. Эту цифру стоит сравнить с цифрой 4 тысячи студентов во всех русских университетах в 1864 г., т.е. на столетия раньше. Иными словами, за 50 лет число студентов в университетах возросло в десять раз» [Тимашев, 2002. С. 32].

К этому времени в России существовало немало высших учебных заведений помимо университетов. Уже в 1872 г. открылись Высшие женские курсы (ВЖК) в Москве, в 1876 г. — в Казани, в 1878 г. — в Петербурге и в Киеве, с 1905 по 1916 г. ВЖК возникли в Одессе, Томске, Харькове, Юрьеве, Тифлисе и Новочеркасске. По численности слушательниц и научному уровню преподавания они были сравнимы с университетами. Кроме ВЖК сеть высших общеобразовательных учебных заведений университетского

⁸ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский политический деятель, историк. В 1886–1895 гг. — приват-доцент Московского университета. Лидер Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы, кадеты). Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. С 1918 г. в эмиграции.

⁹ Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) родился в Петербурге в старинной дворянской семье, получил образование в Александровском лицее и Страсбургском университете. В 1914 г. защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию, вскоре стал доктором наук. С 1918 г. — экстраординарный, затем ординарный профессор Петроградского политехнического института по кафедре социологии, был деканом экономического отделения этого вуза. В эмиграции с 1921 г., в 1940–1958 гг. возглавлял кафедру социологии в Фордхэмском университете Нью-Йорка. Считается одним из основоположников американской социологии.

типа пополнилась рядом специализированных учебных заведений, в том числе инженерно-технической направленности. Старейшим из них было созданное в 1773 г. по указу Екатерины II Санкт-Петербургское горное училище (в 1833 г. переименовано в Горный институт).

Особенно ускорился процесс создания вузов в России в последние два довоенных десятилетия, т.е. в период бурной индустриализации страны. Возникло несколько политехнических институтов. Их предшественником можно считать созданный в 1862 г. Рижский политехникум — первое высшее техническое учебное заведение в России и одно из немногих в Европе, предлагавшее комплексное обучение в области инженерных наук (с 1896 г. — Рижский политехнический институт, РПИ). В 1915 г. РПИ был эвакуирован в Иваново-Вознесенск, здесь в дальнейшем (в 1918 г.) на его базе возник Иваново-Вознесенский политехнический институт, факультеты которого в советское время стали основой для еще четырех вузов.

В созданных в России политехнических институтах — Киевском (1898 г.), Петербургском (1899 г.), Донском-Новочеркасском (1907 г.) — серьезнейшее внимание обращалось не только на инженерные дисциплины, но и на общеобразовательные, в том числе относящиеся к сфере социальных наук. В последнее предвоенное десятилетие система правительственных вузов стала дополняться сетью частных вузов, которые, как пишет Н.С. Тимашев, «вступая в интеллектуальную конкуренцию с правительственными, несомненно, способствовали поступательному движению русского высшего образования» [Там же].

Б.Н. Миронов констатирует: «Вторая четверть XIX в. — время расцвета литературы, науки, искусства, образования, становления профессиональной интеллигенции» [Миронов, 2003. С. 216–217]. Высшее образование в России в этот период находилось на подъеме.

К 1914 г. профессорско-преподавательский корпус российской высшей школы насчитывал всего около 5 тыс. человек [Иванов, 1991. С. 208]. По другим данным, учебный персонал вузов составлял 6658 человек [Высшее образование в СССР... С. 203]. При этом научных работников в 300 научных организациях насчитывалось, по разным оценкам, от 10,2 тыс. человек [Волков, 1999] до 11,6 тыс. человек [Страна Советов за 50 лет... С. 283]. Но этой компактной профессиональной группе интеллигенции принадлежала весьма заметная, далеко не адекватная ее малочисленности роль в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни страны. Профессора и преподаватели представляли цвет отечественной науки, а значение науки неизмеримо возросло в эпоху быстрого развития в России капиталистической экономики. Росла и общественная ценность труда подготовленных ими дипломированных специалистов.

На примере академической (преподавательской) корпорации Санкт-Петербургского университета рассмотрим традиции и основные направления деятельности преподавательского корпуса российских вузов того времени.

За десять предвоенных лет численность преподавательского корпуса Санкт-Петербургского университета выросла более чем на треть и составила 256 человек [Ростовцев, 2009. С. 140]. Этот прирост произошел в основном за счет резкого, более чем на 70%, увеличения числа молодых преподавателей, прежде всего приват-доцентов. При этом профессорский состав, определенный штатным расписанием, остался неизменным. Это, безусловно, обеспечило устойчивость политики профессионального сообщества преподавателей и научных сотрудников университета (университетской корпорации) и сохранение его традиций [Там же. С. 139].

В период с 1884 по 1917 г. российская система аттестации научных работников была близка к западноевропейской (существовали две ученые степени — магистр и доктор), но требования к соискателям в России были значительно выше, чем за рубежом. Так, ученая степень доктора философии, полученная в западном университете, приравнивалась к степени магистра в России, да и то после соответствующей аттестации в российском университете. Эти требования не распространялись на лиц, получивших в западных университетах ученую степень доктора в какой-то определенной отрасли науки. В российской аттестационной системе тех времен присутствовали все те элементы аттестации, которые есть и сегодня: испытание (экзамен); подготовка диссертации (научного труда) по определенному научному разряду; положительное заключение факультета, где выполнялась работа; экспертиза с оппонентами; публичная защита; утверждение. Отличие в том, что аттестация проводилась в университете, государственных надзорных структур не существовало [Иванов, 1994].

В отношениях столичной университетской корпорации, как и корпораций других университетов России, с властью и обществом в начале XX в. ведущей темой было определение степени автономии университета.

В России роль государства в контроле всех сторон общественной жизни всегда была велика [Аврус, 2005]. Проводником государственной политики на местах была многочисленная бюрократия. Для первых университетов, возникших в царской России, бюрократический контроль с самого начала означал отсутствие перспектив в достижении университетской автономии.

Формально-юридически автономия российских вузов была очень ограниченной. Главным органом принятия решений в университете был профессорский совет, который имел право выбирать ректора, проректоров, деканов, профессоров, приват-доцентов, но Министерство народного просвещения могло не утвердить выбор университета и произвести назначения по своему усмотрению. Все основные внутривузовские решения — изменения

в составе кафедр, формирование экзаменационных комиссий, учебные планы и т.д. — также утверждались министерством. Такая ситуация совершенно не соответствовала идейным устремлениям университетской элиты.

Примером в организации университетской системы для российских профессоров и преподавателей выступали западные университеты, структура которых представлялась им образцом истинной автономии. Причем «часто примером была не столько реальность, сколько представления о ней» [Ростовцев, 2009. С. 142]. Задачу университета его сотрудники видели не столько в выполнении утилитарных запросов государства, сколько в «просвещении граждан»; вмешательство же властей в университетскую жизнь представлялось им совершенно недопустимым. Поэтому фактически именно профессорские советы определяли внутреннюю политику университета. Любое вмешательство министерства в то, что профессура считала своей компетенцией, как отмечает Е.А. Ростовцев, «наталкивалось на ее предельно жесткий отпор», хотя формально-юридически оно было абсолютно правомерным [Там же. С. 143]. Отметим, впрочем, что нам не удалось обнаружить в литературе убедительных примеров «отпора» со стороны профессорской корпорации университета вмешательству властей в жизнь вуза.

Е.А. Ростовцев подчеркивает, что академическая среда, представленная в основном преподавателями вузов, была в начале XX в. в России весьма узкой социальной прослойкой. Жизнь этой «касты избранных» была устроена сложно, ее традиции и установления выходили далеко за формальные рамки, определяемые уставом университетов. Пропуском в вузовско-академическую корпорацию был успех на научном диспуте. В первом десятилетии XX в. диспуты были значимым общественным явлением, зачастую они собирали полные актовые залы, о диспутах на гуманитарные и социальные темы в газетах публиковались подробные репортажи.

Допуск в академическую среду означал не только обретение формальных привилегий, но и возможность посещать многочисленные неформальные профессорские «салоны» и «вечера», где велись предельно откровенные разговоры на разные темы. Своеобразная «кастовость» общения и быта вузовских преподавателей не означала замкнутости их творческой и общественной деятельности. Большинство профессоров и преподавателей университета совмещали работу в его стенах с различными формами внеуниверситетской деятельности. Кроме поиска дополнительного заработка тому, по мнению Е.А. Ростовцева, была и другая причина, «связанная с идеей служения обществу, которая, как известно, являлась базовой установкой всего русского интеллигентского мировоззрения» [Там же. С. 144].

Как правило, профессор и приват-доцент были членами десятка научных обществ, существовавших как внутри университета, так и за его стенами. Научные общества учреждались после

ходатайства профессорского совета, в большинстве своем они были тесно связаны с профессиональными интересами университетских профессоров и становились центрами притяжения научной общественности. При научных обществах вузовские преподаватели организовывали (и возглавляли) студенческие кружки.

Университетская профессура была постоянно представлена в многочисленных благотворительных обществах. При этом участие вузовских преподавателей в таких начинаниях не носило характер «коллективного членства», как в советское время, а было сугубо индивидуальным.

Одной из важнейших задач университетской корпорации была борьба за автономию вуза. При этом в отношениях власти и профессионального сообщества преподавателей всегда присутствовал еще один субъект — студенчество, а позиция студентов определялась не столько корпоративными интересами преподавательского корпуса вуза, сколько влиянием внешних политических сил [Георгиева, 1979]. Студенчество в рассматриваемый период — десятилетие, предшествовавшее началу Первой мировой войны, — в значительной степени находилось под влиянием радикальных (социалистических) партий: социал-демократов и эсэров. Преподавательскому сообществу вуза в этих условиях «приходилось отстаивать свои интересы, лавируя между властью и оппозиционным студенчеством» [Ростовцев, 2009. С. 150].

На первом этапе революции 1905 г. университетские профессора не только поощряли студенческие политические движения, но и сами приняли участие в деятельности либеральной оппозиции. Сначала это был Академический союз (профессоров и преподавателей высшей школы), возникший после событий Кровавого воскресенья под влиянием кампании за введение конституции в России. К августу 1905 г. в его рядах было уже 1650 членов, что составляло 70% всего преподавательского состава высшей школы в стране, а к октябрю число членов Союза возросло до 1800 человек. Академический союз объединял подавляющее большинство деятелей высшей школы, в него не вошли лишь примерно 600 представителей «благонамеренной» профессуры, или, как их тогда называли, «академической правой» [Иванов, 2003. С. 205]. Затем вузовская общественность склонилась в сторону партии кадетов, которую неофициально стали именовать «профессорской» [Шелохаев, 1983].

Вступив в альянс с либеральной оппозицией, университетская корпорация получила дополнительные ресурсы для достижения автономии высшей школы. Министерство народного просвещения в конце августа 1905 г. пошло на уступки, предоставив профессорским советам фактическую автономию. Возглавивший министерство осенью 1905 г. граф И.И. Толстой был активным сторонником автономии вузов, и в нем университетская корпорация нашла деятельного союзника [Воспоминания министра

народного просвещения...]. Кстати, именно под руководством министра И.И. Толстого был разработан план перехода ко всеобщему начальному образованию, реализация которого была рассчитана на 10 лет. Но должность министра он занимал только полгода.

После студенческих забастовок 1910–1911 гг. университетские корпорации вынуждены были сдать позиции в борьбе с министерством. Но отступление не затронуло основополагающих принципов автономии вуза, а касалось лишь студенческого самоуправления: «профессорскому совету не удалось отстоять систему студенческого самоуправления, которое он пытался использовать в качестве контроля над ситуацией в студенческой среде» [Ростовцев, 2009. С. 152].

При советской власти университетская интеллигенция утратила всякие шансы на независимость. В 1920-е годы в Советской России была ликвидирована не только университетская автономия, но и почти все общественные структуры, созданные при университетах в начале XX в. Введение партийно-бюрократического контроля в университетах привело к тому, что научная работа и учебный процесс стали корректироваться «сверху» и «из центра».

Борьба за университетские свободы, особенно обострившаяся в начале XX в., показала, что государственная бюрократия не готова сдавать свои сильные позиции в пространстве университетской жизни. Обычным событием для университетов в царской России стало увольнение профессоров. Министерство начало активное наступление на университетскую автономию, против профессорских советов была развернута настоящая война, в которой использовались все средства, включая полицейские и административные [Яковлев, 1972]. Репрессивная политика в отношении российских вузов связана с именем руководившего в тот период Министерством народного просвещения Л.А. Кассо (с сентября 1910 г. — управляющий министерством, а с февраля 1911 г. до конца ноября 1914 г. — министр). Будучи убежденным сторонником консервативной политики в образовательной сфере, он вступил в конфликт с либеральными общественными деятелями. Период, когда Министерством народного просвещения руководил Л.А. Кассо, характеризуется реакционной политикой в сфере высшего образования, которая была призвана ограничить либеральные уступки, сделанные в годы революции 1905–1907 гг.

Из университетов были уволены многие профессора и преподаватели либеральной ориентации. Активно практиковалось назначение профессоров на должности в противовес обычной практике их избрания в университетах с последующим утверждением министром. Наибольшую известность получил скандал («дело Кассо») в Московском университете. В начале 1911 г. в знак протеста против действий полиции при подавлении студенческих волнений о намерении подать в отставку объявило руководство университета:

ректор А.А. Мануйлов¹⁰, помощник ректора М.А. Мензбир¹¹ и проректор П.А. Минаков¹². Не дожидаясь официального заявления, Л.А. Кассо уволил всех троих не только с занимаемых ими административных постов, но и вообще из университета, фактически солидаризировавшись с полицией. Тогда университет демонстративно покинули около 130 преподавателей и сотрудников, в том числе 21 профессор, что нанесло значительный ущерб качеству учебного процесса [Кожевников, 2003. С. 92].

Таким образом, накануне революции, в 1916 г., в России было уже около 100 вузов, в которых насчитывалось 6655 преподавателей и 135842 студента [Волков, 1999. Табл. 1], т.е. на каждого преподавателя приходилось 20 студентов. Советская историография подтверждает, что к началу революции в царской России было 105 вузов [Страна Советов за 50 лет...], а ежегодный выпуск специалистов с высшим образованием составлял 12 тыс. человек [Там же].

Профессорско-преподавательский корпус вузов в России начала XX в. имел немногочисленный, но сплоченный, временами весьма дееспособный консервативный и даже черносотенный фланг. Партийная принадлежность (прямая или косвенная) во многом определяла отношение профессуры к царскому правительству в годы Первой мировой войны [Иванов, 1999] и к революционным преобразованиям большевиков в последующем. В этом состоит еще одна причина того, что «красный террор» был направлен на вузовскую интеллигенцию как социальную группу, идеологически чуждую большевизму.

Итак, к началу революции 1917 г. Россия была государством с быстро и динамично развивающейся промышленностью. Она быстро и успешно ликвидировала накопленное отставание в образовании. Работала система высшего образования, инициировалось создание новых университетов. К этому времени в стране существовал слой университетской и академической интеллигенции, являющийся носителем образовательной культуры и университетских традиций.

Но последовавшие события не только остановили поступательное развитие высшей школы в России, но и до основания разрушили сложившуюся систему высшего образования, а слой вузовской интеллигенции был практически полностью уничтожен в период революционного террора и политических репрессий [Дружилов, 2012].

И все же возникает вопрос: а не потому ли оказались столь разрушительными последствия событий 1917 г., что для оптимального демократичного перехода России в новое состояние не хватило

¹⁰ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) — профессор, видный российский экономист.

¹¹ Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — профессор, известный зоолог и зоогеограф.

¹² Минаков Петр Андреевич (1865–1931) — профессор, специалист по судебной медицине.

необходимой «критической массы» образованности в российском обществе? Недаром В.И. Вернадский с грустью отмечал в 1920 г. в набросках своих лекций «О русской интеллигенции и образовании»: «Я думаю, что в значительной мере все переживаемое находится в тесной связи с той легкомысленной небрежностью, с какой русское общество поколениями относилось к народному образованию» [Владимир Вернадский: Жизнеописание... С. 256].

Литература

1. Аврус А.И. История российских университетов: курс лекций. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005.
2. Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993.
3. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН, 1999.
4. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. / Сост. Л.И. Толстая. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997.
5. Высшее образование в СССР: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1961.
6. Георгиева Н.Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 124–131.
7. Дружилов С.А. Трагедия отечественной высшей школы в период послереволюционной разрухи // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 241–288.
8. Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212.
9. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М.: АН СССР, Ин-т истории СССР, 1991.
10. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
11. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М.: Изд-во Института российской истории РАН, 1994.
12. Кожевников А. Первая мировая война, гражданская война и изобретение «большой науки» / Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 87–111.
13. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). Т. 2. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. <http://runivers.ru/lib/book3111/9785>
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

15. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 139–156.
16. Страна Советов за 50 лет: сб. стат. материалов. М.: Статистика, 1967. http://lost-empire.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9339&Itemid=9
17. Тимашев Н.С. Потомство юбиляра // Университеты. Наука и просвещение. 2002. № 2. С. 31–36. http://alumni.univer.kharkov.ua/wp-content/univerokukrcom/2002_2.pdf
18. Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983.
19. Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник Ленинградского университета. 1972. № 8. Серия «История, языкознание, литература». Вып. 2. С. 42–49.